

[4, с. 217]. Нередки в романе и русские фразеологизмы: «Не бойся, Кузьма, не на таковских напали» [4, с. 348]; «И поделом им! Как им равняться с порядочными людьми» [4, с. 262]. Фразеологизмы используются для лаконичной характеристики персонажа. Сравн.: «хитрый» — «маменька была себе на уме» [4, с. 199]; «лодырь» — «и пальцем ни до чего не дотронулся» [4, с. 396]; «находчивый» — «Потап Корнеевич... зато в карман за словом не лазил» [4, с. 287]; «состоятельный» — «пан на всю губу» [4, с. 273]; «застесняться» — «покраснели, как вареные раки!» [4, с. 311].

Анализ отдельных стилистических приемов использования лексических ресурсов языка для реализации авторского замысла в романе «Пан Халявский» не только свидетельствует о художественном таланте его автора. Он показывает также, сколь выразительно может проявляться идейный замысел через стилистическую доминантность. Идейно-эстетическая целостность художественного произведения, его совершенство во многом зависят от богатства лексических и фразеологических средств, с помощью которых автор реализует идейный замысел, от соответствия этому замыслу значения слова (и фразеологизма), от простоты и ясности изложения.

1. *Белинский В. Г.* Русская литература в 1840 г. // Собр. соч.: В 9 т. 1978. Т. 3. 2. *Гончар О. И.* Григорій Квітка-Основ'яненко. К., 1969. 3. *Зубков С. Д.* Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребинки в контексте русско-украинских литературных связей. К., 1979. 4. *Квітка-Основ'яненко.* Пан Халявский. Твори: В 6 т. К., 1956. Т. 4. 5. *Крутікова Н. Є.* Гоголь та українська література (30—80 рр. XIX ст.). К., 1957. 6. *Романенко В.* «Пан Халявський» и его автор // Г. Ф. Квитка-Основ'яненко. Пан Халявський М., 1971. 7. *Сохацька Є. І.* Російська проза Г. Квітки-Основ'яненка // Укр. мова. і літ. в шк. 1978. № 11. 8. *Халімончук О.* Класик двох літератур // Наука і культура. Україна. 1978. К., 1979.

Статья поступила в редколлегию 11.09.87

В. Е. Федорищев, доц.,
Черновицкий университет

О художественных функциях народной этимологии в русской литературе (На материалах творчества Н. С. Лескова и некоторых других писателей)

Народная этимология — это «переделка в народном языке заимствованного или непонятого слова по образцу близкого своим звучанием понятного слова, а в связи с этим изменение его значения» [18, с. 261]. Однако в этом термине некоторые ученые слышат презрительное отношение образованных буржуазных классов общества к простому народу и предпочитают термин «ложная этимология» [8, с. 37]. Тем более, что такие переделки слов встречаются не только у малограмотных, но и у образованных людей [5, с. 122]. Народная этимология — очень рас-

пространенное в языке явление и может быть неосознанной и осознанной. Неосознанное ошибочное переименование слов собственно и является народной этимологией. Осознанное же, нарочитое изменение слов в подражание народно-этимологическому может быть названо мнимой народной этимологией. Оба эти типа практической этимологии часто используются в художественной литературе, хотя их и не всегда легко разграничить.

Это явление хорошо изучено языковедами, но еще не привлекло должного внимания литературоведов. Некоторые из них считают, что народная этимология — это нечто просторечное, несерьезное, шутовское или смешное, не представляющее для литературоведения особого интереса. Думается, что любое языковое средство, используемое в литературе, должно быть объектом глубокого изучения для литературоведа. Известный советский филолог А. А. Реформатский отмечает: «Для литературоведов связь с лингвистикой особо необходима и не только в текстологии или в стиховедении, а потому, что «язык — это первоэлемент литературы» (Максим Горький) и вне языка не может быть литературы. Поэтому каждый литературовед должен быть в какой-то мере и лингвистом, но лингвист не обязан быть литературоведом» [21, с. 49]. Горький подчеркивал также, что «деление языка на литературный и народный значит только, что мы имеем, так сказать, «сырой язык и обработанный мастерами» [11, с. 328]. Следовательно, у нас нет никаких оснований полагать, что в художественном стиле принципиально по-иному используются языковые средства, нежели в других языковых стилях общенародного языка, хотя в каждом из них есть своя специфика [6, с. 237]. Подтверждением этой мысли, в частности, могут быть нередкие случаи, когда народная этимология побеждала истинную и становилась общепринятой нормой, войдя в литературный язык. Так, исконно русское «морвей» по созвучию с «мурава» превратилось в «муравей», «близозоркий» по сближению с «рука» — в «близорукий». Народно-этимологическими являются также иностранные по своему происхождению слова «верстак», «шерамыга», «лебезить» и многие другие [5, с. 122; 21, с. 106—107]. Поэтому Ф. Гладков напрасно восставал против современного значения слова «довлеть», а Б. Тимофеев безуспешно ратовал за восстановление прежней формы и значения слова «солянка» (переосмысленного «селянка» — «сельское кушанье» под влиянием слова «соль»), [26, с. 39]. Все это говорит о важности и необходимости изучения народной этимологии и в литературоведческом плане.

В русскую литературу народная этимология вовсе не была введена Н. Лесковым, как полагали некоторые критики. Ее применяли в своих рассказах В. Даль, Г. Успенский, к ней обращались М. Салтыков-Щедрин, А. Островский, В. Короленко, У. Гиляровский, а из советских писателей — М. Горький, М. Шолохов, К. Симонов, В. Шукшин, В. Чивилихин и др. Однако Лесков первым обратил внимание на то, что переименование слов служит важным средством, с помощью которого

русский народ усваивает и вводит в свою речь непонятные новые слова и термины. И осознав, какие неисчерпаемые разоблачительные возможности таит в себе этот способ, он наиболее широко и искусно применил его в своем творчестве.

Литературные критики — современники Лескова — не сумели сразу понять и правильно оценить наиболее яркую и самобытную сторону Лескова — его красочный, узорчатый язык и относились к его творчеству резко отрицательно. Больше всего их раздражали прекрасные, остроумнейшие лесковские народно-этимологические находки. Так, А. Вольтский и И. Лернер словотворческое новаторство писателя называли «шаржированными неудачными выдумками», «набором шутовских выражений», изобретением «тарабарских извращений русского языка» [7, с. 172]. Лескова упрекали в засорении языка, в стремлении рассмешить любыми средствами. Сейчас, когда произведения Лескова переведены на многие языки и издаются миллионными тиражами и у нас в стране и за рубежом, подобные обвинения кажутся более чем странными и несправедливыми.

Лично знавший Лескова и высоко ценивший его творчество Л. Толстой считал, что Лескову вредит излишек таланта. В беседе с М. Горьким он как-то сказал, что Лесков знает язык «чудесно, до фокусов» [10, с. 228]. Вряд ли это можно считать недостатком. Однако и в наше время некоторые ученые видят в народно-этимологических поисках Лескова лишь одну, далеко не самую главную сторону — комизм, «веселую и остроумную игру слов» [5, с. 122].

Совершенно по-иному оценивают этимологические находки Лескова многие другие писатели. Так, М. Горький, ставя Лескова рядом с Л. Толстым, Гоголем, Тургеневым, Гончаровым, подчеркивал, что по широте охвата жизни, глубине понимания ее бытовых загадок и тонкости знания великорусского языка он нередко превышает их. Он назвал Лескова «богатырем русской литературы», «отличнейшим знатоком русской жизни», «волшебником слова» [10, с. 235—236].

В содержательной статье Г. Смирнова приводится мнение Ю. Нагибина о сказе Лескова «Левша»: «Каким дивным языком передана эта история, сколько тут замечательных словечек, изобретенных неисчерпаемой фантазией автора! Как освежен, взбодрен русский язык... Насколько были бы мы беднее без «клеветона», «нимфозории», «буреметра», «потной спирали», «долбицы умножения», «мелкоскопа...» [24, с. 62]. Г. Смирнов правильно считает, что Лесков, столь серьезно, благоговейно относившийся к литературе и к собственному творчеству, не мог руководствоваться в своей работе «суетным, презренным желанием во что бы то ни стало вызвать у читателя смешки» [24, с. 62]. Да, Лесков стилизовал свой язык под язык народа, но какими бы ни были его талант и фантазия, в народном языке искажения непонятных слов превосходят намного те искажения, которые Лесков представил в своих произведениях. Он глубоко

сознавал, что народная этимология — это не просто порча слова, не шутовство и не любовь к каламбурам из желания потешить слушателей, а типическая черта устной народной речи и, вместе с тем, протест против непонятных простому русскому человеку мудреных иностранных слов. И правильно считает Г. Смирнов: «Лесковские неологизмы не пустое острословие, внимательное изучение всегда открывает в них глубину, порой не угадываемую при беглом чтении. И хотя зачастую они могут выглядеть как нелепицы, их следует отнести именно к тем удачнейшим нелепицам, которые, по словам известного английского эссеиста Ф. Честерфильда, «содержат в себе немало смысла» [24, с. 64]. Надо подчеркнуть, что эта особенность творчества Лескова изучалась лишь в лингвистическом плане [См.: 3, 4, 8, 16].

Вместе с тем творчество Лескова примечательно потому, что в нем истинная народная этимология и собственные лесковские находки по существу употреблены во всех основных литературно-художественных приемах. И в этом отношении оно может служить образцом и способно помочь лучше понять, как используется это средство другими писателями. Анализ повестей и рассказов Лескова, в частности «Левша», «Леон, дворецкий сын», «Полуношники», «Заячий ремиз», в которых народная этимология представлена во всем ее богатстве и полноте, а также произведений некоторых других писателей, выбор которых определялся поставленной задачей — выделить и охарактеризовать ее функции, свидетельствует, что это средство применяется в следующих основных целях:

1. Как яркая примета просторечия народная этимология наиболее широко применяется, наряду с другими народно-разговорными средствами, для речевой характеристики народных персонажей. Непревзойденным мастером такой стилизации был Лесков, считавший, что каждый герой должен говорить своим языком, свойственным его социальному положению. Пристально изучая живую разговорную речь, вслушиваясь в ее нюансы, он стремился овладеть голосом своего персонажа, чтобы не «сбиваться с альтов на басы», и развил в себе это умение до совершенства. Его «священники говорят по-духовному, нигилисты понигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки из них и скорморохи — с выкрутасами и т. д.» [23, с. 615]. В «Полуношниках» Лескова священник выступает против просвещения и все людские беды объясняет тягой к образованию: «И вот, — говорит, — и пашло — и неурожай на полях и на людях эта непонятная боль — вифлиемция» [19, т. 9, с. 151]. В повести «Леон, дворецкий сын» речь мещанки совсем иная: «Хауптфрау позвала его к себе в кабинет и стала с отдаленности говорить по вятикету» [19, т. 7, с. 71]. Если священник название заболевания «инфлюенция» по созвучию сближает с библейским Вифлиемом, то необразованная мещанка слово «хауптфрау» (нем. *старшая дама*) сближает по смыслу с *ханать*. Два разных образа; две речевые характеристики.

Иногда народная этимология у Лескова служит целям стилизации под речевой колорит всего произведения. Лесковский сказ «Левша» — пример стилизации под лубок, где в едином лубочном стиле выдержаны все персонажи от царя, генералов до казака Платова, тульских мастеров и англичан включительно: «Приезжает в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну и, наконец, в самом главном зале разные громадные бюстры и посредине под балдахином стоит Аболон Полведерский» [19, т. 7, с. 27].

Народно-этимологические вкрапления, используемые с определенной стилистической целью, встречаются у М. Горького и М. Шолохова, а также у многих других писателей.

2. Частота народноэтимологических переделок слов зависит от степени грамотности, общей культуры народа: чем они выше, тем реже о себе дает знать народная этимология, и наоборот. Поэтому это средство служит для показа невежества, отсутствия элементарных научных знаний широчайших народных масс царской России и обличения царского режима, виновника такого положения. Только этими причинами можно объяснить многочисленные переиначки слов в речи лесковских персонажей как, например: венюкль (бинокль), водоглаз (водолаз), брыкада (баррикада), купоны (купоны), пропуганда, студинг (пудинг), Твердиземное море, щиглеты (штиблеты) и др. В очерке Короленко «На затмении» слово «астроном» переиначено в «остролом» (по направленным в небо трубам наблюдателей), а в «Сказках о немцах» Бажов немецкое слово «гаармахер» (парикмахер) — в «карнахарь» (по ассоциации с «карнать»).

Не столь редко, как это принято считать, народная этимология встречается и в наше время. В романе К. Симонова «Солдатами не рождаются» (гл. 12) ординарец командира второй роты Лошаков ведет в тыл пленного немца и, встретившись по дороге с комбатом Синцовым, объясняет: «Немец является командиром, товарищ старший лейтенант. Я, говорит, комроты!» И когда на вопрос Синцова, офицер ли тот, немец возбужденно воскликнул: «Кайн офицер, кайн офицер! Камрад...», Лошаков, перебив немца, сказал: «Комроты. Сам признается».

В повести В. Кондратенко «Курская дуга» сбитый немецкий летчик, сняв с руки часы, протянул их майору Гайдукову и сказал: «Битге». Присутствовавший при этом шофер майора Ковинько процедил сквозь зубы: «Сами видим, что битый» [15, с. 306]. Аналогично переосмысливается это слово и солдатом-связистом Аникиным в повести В. Росина, услышавшего его от пленного немца: «Конечно биты. Мы еще не так вашего брата колошматить будем» [22, с. 25].

Без ссылок на первоисточники приведем еще несколько подобных примеров, отмеченных нами у разных современных писателей: ариец (переосмысленное как «исполнитель арий»), карьерист (рабочий карьера), мелиоратор (тот, кто мелет чепуху, орет), передовик (готовый всех передавить), перетрубация

(пертурбация), подцепист (пацифист), сепаратист (рабочий сепаратора), трубобур (турбобур), флиртующийся вирус, фунт-стервингов и др.

3. Для раскрытия оригинальности и пронизательности народного ума, его тонкого языкового чутья. В «Левше» Лескова непонятная для тогдашнего простого человека «таблица умножения», для усвоения которой требовалась «долбежка», превращается в «долбицу умножения». Интересно, что не зная названия «аспидной доски», на которой писали грифелем, народ называет ее «стирабельной», потому что написанное на ней стиралось: Перед каждым висит долбица умножения, а под рукою стирабельная дощечка» [19, т. 7, с. 53]. Лишь в этом сказе содержится несколько десятков подобных переиначек и переосмыслений, подчас самых неожиданных и остроумных.

Дворник Тихон Вялов в романе М. Горького «Дело Артамоновых» философски замечает: «Скука — от людей; скучатся они в кучу, и начинается скука» [13, с. 565]. А купец Матвей Кожемякин из романа Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» глубокомысленно рассуждает: «Гнев, прогневаться, огневаться — вот он откуда, гнев — из огня! У кого огонь в душе горит, тот и гневен бывает» [12, с. 326]. И хотя оба они ошибаются, так как «скука» происходит от утраченного слова «кука», обозначающего «надоедливость» (ср. докука), а «гнев» родственно слову «гнить» и обозначает «нечто нездоровое», «душевный гной», нас удивляет их наблюдательность.

Подобные примеры раскрывают ход мыслей простого человека, рождение народной этимологии и способ переосмысления слов. Стремление к этимологизации присуще всем людям, но непосвященный в тонкости научной этимологии человек в поисках ответа на вопрос, почему так назван предмет, руководствуется лишь собственным речевым опытом и при этом часто ошибается. Наиболее наглядно это проявляется в этимологических поисках детей. Все дети от рождения замечательные лингвисты, в каждом слове они ищут смысл, требуя от слова точного соответствия его звучания с вкладываемым в него содержанием. Очень тонко воспринимая речь взрослых, они нередко критикуют ее: «Почему сверчок? Он сверкает? Почему ручей? Надо бы журчей. Ведь он не ручьит, а журчит. Почему ты говоришь тополь? Ведь он не топает [27, с. 45]. Подобных замечательных толкований слов, несматра на всю их наивность, мы находим еще немало в чудесной книжке К. Чуковского «От двух до пяти». Эта детская черта общеизвестна и широко используется авторами детской литературы.

4. В народной этимологии находит «весьма четкое выражение классовая идеология» [28], поэтому она часто выступает как орудие классовой борьбы. Говоря о творчестве Лескова, М. Горький отмечал, что «Лесков писал в ту пору, когда в русскую речь хлынула масса иностранных слов... и когда «гарантия», «субсидия», «концессия», «грюндерство» и прочие словечки, за которыми таились очень скверные дела, не могли не раз-

дражать Лескова, человека насквозь русского...» [10, с. 237]. И Лесков вводит придуманные народом либо созданные им самим неологизмы, которые помогали раскрывать истинные цели и неблагоприятные поступки, тщательно маскируемые русскими и иностранными словами. Сошлемся лишь на один из таких примеров. В «Полунощниках» пожилая мещанка рассказывает молодой купчихе о своем родственнике Николае Ивановиче, строившем для морского ведомства «мимоноски». Вначале может показаться, что это всего лишь искаженное название одного из класса кораблей, тонкий намек на то, что выстреливаемые ими мины «проносятся мимо» цели. Но дальше выясняется совершенно иной смысл этого слова. На постройку миноносцев отпускались немалые средства, и на этом грели руки не только подрядчики, но и чиновники морского ведомства, получавшие взятки при распределении заказов. В сознании невежественной рассказчицы это слово отождествляется с казенными деньгами, которые ее родственник пронес мимо расходов на постройку кораблей: «Сначала он более всего мимоноски строил, и в это время страсть как распустился кутить с морскими офицерами-гальванерами — весьма головастыми по прикарманиванию денег, Николай Иванович «все мимоноски туда сплавил» [24, 64]. После он пристал к компаниям каких-то дельцов и «завели они подземельный банк и опять стал таскать при себе денег видимо и невидимо» [19, т. 9, с. 138].

Таким образом, Лесков выражает здесь непримиримое отношение к тем, кто пытается сорвать с народа, жить за его счет, а также к учрежденным ими земельным банкам, наживавшимся на народных бедах. Их деятельность охарактеризована как «подземельная», т. е. скрытая от народа, тайная. Н. Лесков прекрасно владел умением разоблачать тех, кому необходимо скрыть истину, подлинную суть мыслей и высказываний.

5. Как своеобразный протест и средство борьбы против засорения русского языка ненужными иностранными словами, вытеснявшими исконно русскую лексику. Еще Фонвизин высмеял в своей комедии «Бригадир» злоупотребление французскими словами, а Грибоедов назвал такую засоренную речь «смесью французского с нижегородским». Лесков использовал народную этимологию для осмеяния низкопоклонства перед иностранщиной, когда иноязычные слова употреблялись с целью щегольнуть перед окружающими своей мнимой культурностью: «Я должна на Кавказ ехать мангральный дарзанс пить... у меня постоянный бекрень в голове» [19, т. 7, с. 70, 72].

Однако критическое отношение к заимствованиям у передовых русских писателей никогда не переходило в националистический пуризм, в стремление отгородить русский язык китайской стеной от иностранного влияния, как это имело место у ряда дворянско-буржуазных писателей [14, с. 189]. Подобные тенденции вызвали резкий протест представителей революционно-демократического лагеря, особенно Н. Г. Чернышев-

ского. Их позиция была близка к ломоносовской — «из других языков ничего неудобного не ввести, а хорошего не оставить» [20, с. 587]. Предельно четко и ясно отношение к заимствованным словам выразил В. И. Ленин в заметке «Об очистке русского языка», призывавшей не злоупотреблять ими и не употреблять их неправильно [2, с. 49].

6. Как прием создания комического. Так, лесковские переделки слов вроде «Квазиморда» (Квазимодо), «губиноты» (гугеноты), «пуплекция» (комплекция), свисталка (весталка), хамазонка (амазонка) и т. п., выполняя различные художественные функции, не могут не вызвать улыбки у просвещенного читателя. Сколько тонкой наблюдательности, ума и добродушного юмора содержат они в себе! Даже наиболее недоброжелательный критик Лескова А. Волынский вынужден был признать, что для усиления комизма Лесков доходил нередко до настоящей виртуозности, перед которой бледнели стилистические выдумки Щедрина. Или как не улыбнуться остроумной переделке слова «абордаж» в трилогии Д. Юферева «Останемся неизвестными»: «Приглянется какая мадамочка с сумочкой, он зараз пришвартуётся — и на ободраж ее» [29, с. 816].

В юмористических целях это средство используется также при придумывании псевдонимов. Молодой Е. Катаев выступал под псевдонимом Оливер Свист, а один из псевдонимов И. Ильфа и Е. Петрова (кстати, тоже псевдоним И. Файнзильберга и Е. Катаева) был Дон Бузилло [25, с. 419, 443].

Разумеется, этим художественным приемом не следует злоупотреблять, дабы острословие не превратилось в самоцель ради сомнительного юмора и зубоскальства, что иногда встречается у некоторых доморощенных юмористов [5, с. 122].

7. Народная этимология может приобретать и большую сатирическую выразительность, когда смех, по выражению А. И. Герцена, становится одним из «самых мощных орудий разрушения» [9, с. 117]. В годы Великой Отечественной войны умышленное переименование и переосмысление немецких слов было действенным оружием во всенародной борьбе против ненавистного врага. Оно обличало и бичевало гитлеровских захватчиков и их приспешников. Неиссякаемое чувство юмора и оптимизма, большую изобретательность проявил наш народ в переделке на русский лад имен нацистских главарей и генералов, гестаповских и эсэсовских званий, названий немецких военных и гражданских ведомств и их чиновников, карательных органов. Осмеянию и презрению подвергались расистская человеконенавистническая идеология и мораль, бредовые планы фашистов о всемирном господстве, их чванство, тупость и ограниченность. Богатейшее народно-этимологическое творчество грозных военных лет ныне почти забыто, оно не изучено и лишь отчасти отражено в печати того периода, в воззваниях и листовках, ставших достоянием архивов. Однако отголосок этого творчества можно найти в русской художественной литературе. Многие советские писатели используют этот материал ли-

бо создают собственные переделки немецких слов в народном духе, подчас весьма удачные, так что не всегда можно определить, где творил народ, а где писатель.

Например, в повести И. Курганова «Цветы и железо» эсэсовский чин «штурмбанфюрер» переосмысливается так: «Будет тебе и штурм, будет тебе и баня, фюрер» [17, с. 214]. В пьесе Солинского «Барабанщица» это слово переименовано в «чурбанфюрер». В романе Б. Горбатова «Непокоренные» название улицы «Геббельсштрассе» переделано в «Гибельштрассе». В повести В. Валько «Куда летишь журавлик?» «гауляйтер» превращен в «гав-ляйтера», а в повести В. Козаченко «Белое пятно» «фольксдойч» толкуется как «хвостдойч». Гвардеец Корениха из «Курской дуги» В. Кондратенко название подбитого немецкого баркаса «Бавария» переименует в «Авария». А вот еще несколько подобных примеров, выборочно взятых из произведений разных авторов. Ворман (Борман), Врунштедт (Рунштедт), Удириан (Гудериан), шарьфюрер (шарфюрер), крахдойч (райхсдойч), шутполицай (шутцполицай) и др.

В заключение отметим, что значение народной этимологии как художественного средства не исчерпывается названными функциями. Да и их размежевание носит весьма условный характер, так как обычно та или иная народно-этимологическая форма выступает в нескольких функциях с преобладанием одной из них. Дальнейшее изучение этого явления на более широком материале позволит раскрыть еще немало самых неожиданных и интересных художественных особенностей народной этимологии и сделать более глубокие обобщающие выводы.

1. Ленин В. И. Из «тетрадей по империализму» // Полн. собр. соч. Т. 29.
2. Ленин В. И. Об очистке русского языка // Полн. собр. соч. Т. 40.
3. Антошкин Н. С. Народный юмор и народная этимология в произведениях Н. С. Лескова // Науч. зап. Ужгород. ун-та. 1959. Т. 37.
4. Антошин Н. С. О языке Н. С. Лескова // Науч. зап. Ужгород. ун-та. 1959. Т. 37.
5. Ардентон Б. П. Введение в языкознание. Кишинев, 1967.
6. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
7. Волюнский А. Л. Н. С. Лесков. Петербург, 1903.
8. Гельгардт Р. Р. О лексической ассимиляции в связи с ложной («народной») этимологией // Рус. яз. в шк. 1956. № 3.
9. Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1953. Т. 24.
10. Горький А. М. О литературе. М., 1953.
11. Горький М. Собрание сочинений. М.; Л., 1930. Т. 11.
12. Горький М. Избранные сочинения М., 1947.
13. Другов Б. М. Н. С. Лесков. М., 1961.
14. Кондратенко В. Курская дуга. К., 1981.
15. Краснов Ф. А. Приемы создания комического средствами разговорно-просторечной и фольклорной фразеологии в творчестве Н. С. Лескова // Уч. зап. Киргиз. ун-та. 1957. Вып. 3.
16. Курганов И. Цветы и железо. М., 1963.
17. Лесин В. М., Пулинец О. С. Словник літературознавчих термінів. 3-е вид. К., 1971.
18. Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958. Т. 7, 9.
19. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 7.
20. Реформатский А. А. Введение в языкознание. 4-е изд. 1967.
21. Русские писатели о языке (VIII—XX вв.): Хрестоматия. М., 1954.
22. Росин В. На войне и без войны. К., 1982.
23. Смирнов Г. Глубокий смысл иных нелепиц // Техника молодежи. 1985. № 11.
24. Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать 1917—1963 гг. М., 1963.
25. Тимофеев Б. Правильно ли мы говорим? 2-е изд. Л., 1963.
26. Чуковский К. От двух до пяти. М., 1955.
27. Шор Р. И. Литературная энциклопедия. М., 1934.
28. Юферев Д. Останемся неизвестными. М., 1967.

Статья поступила в редколлегию 04.01.88